

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Нина Линдт

Говорящая с призраками.
Иные города

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

М. Ю. Лермонтов. Демон

Часть первая БАРСЕЛОНА

Из дневника Насти

Когда самолет начал снижаться, а капитан объявил, что через двадцать минут мы приземлимся в аэропорту Барселоны, я разрывалась между ликованием из-за того, что у меня начинается независимая жизнь и учеба в прекрасном городе, и страхом из-за того, что будущее теряется в неизвестности, в плотном тумане сомнений и вопросов.

А если я не смогу прожить и недели без родных, буду рветь от одиночества и проситься домой? А если мне тут понравится, получится ли найти работу и остаться учиться хотя бы на год? Смогу ли я говорить на испанском свободно, не запинаясь, не подыскивая слов, а, вернувшись из Испании, доказать всем, что я — лучшая, и больше не завидовать легкости, с которой овладела испанским моя подруга Аня? А вдруг этот город готовит для меня встречу с прекрасным принцем, любовь и романтику?

Но город, раскинувшийся под крылом самолета, пока не раскрывал своих планов. Он раскрывал объятия побережья, но не торопился рассказывать про испытания, которые готовил. Было страшно? Да. Было радостно? Вне всяких сомнений. И сейчас, пока делаю эту запись накануне Рождества, мне тоже страшно и радостно. Но уже иначе, чем в тот день. Теперь все иначе. Иногда мне хочется вернуться в те дни, когда страх был таким мелким, когда счастье было таким простым.

Распаковав и кое-как разложив вещи, Настя решила прогуляться по Пасео-де-Грасия, отметить в одиночестве свой при-

езд в Испанию и подумать, что бы такое приготовить для ребят, с которыми она теперь проживает в квартире. Квартира с большой общей гостиной была трехкомнатной, и помимо Насти, по словам хозяйки, там жили студенты: швед и японка. Но ребят Настя в квартире не застала, видимо, они уехали на занятия.

Прогуливаясь по Пасео-де-Грасия, улице, полной магазинов, кафе и туристов, Настя прикидывала, как скоро сможет найти хоть какую-нибудь подработку. Время и страну для этого она выбрала неподходящие. Вокруг все только и говорили про кризис, безработицу половины молодого населения и прочие вещи, которые лишали надежды. Но попытаться все же стоило. Она зашла в парочку магазинов, записала адреса и названия встретившихся отелей, присмотрела бары и кафешки, чтобы занести свое в резюме.

Настя села в кафе напротив дома Батльо, подмигивавшего ей балконами-масками, заказала круассан и кофе. Осеннее солнце ласково гладило лучами ее светло-русые волосы с прядями пшеничного цвета, ветер слегка приподнимал их и кружил над ее головой... Было так хорошо! На углу улицы стояла лавочка, возле которой пожилой человек в одежде, перепачканной углем, жарил на очаге каштаны и бониато — сладкие корнеплоды оранжевого цвета.

Настя подумала, что после кафе подойдет и купит немного каштанов, чтобы узнать вкус барселонской осени. Она счастливо улыбнулась.

Краем глаза девушка заметила тень, мелькнувшую рядом с ее столиком, а в следующую долю секунды увидела мальчишку в поношенной одежде, который спокойно уходил прочь с ее кошельком.

— Эй!!! — От удивления Настя лишилась дара речи и забыла все испанские слова. Она быстро вскочила, подбежала к мальчику и схватила его за шкурку, благодаря судьбу за то, что наглый воришка даже не попытался убежать, иначе она его не догнала бы.

Мальчишка онемел от удивления и испуганно глядел на нее.

— Что ты делаешь? Что ты делаешь! — только и смогла сказать Настя, отбирая у мальчишки свой кошелек. От потрясения тот даже не сопротивлялся — словно обмяк от шока.

Настя и сама была потрясена. Кровь стучала в висках, ей хотелось наорать на мальчишку, ударить его, но облегчение от того, что кошелек опять в ее руках, смягчило «адреналиновый взрыв». Мальчик легко вырвался и побежал. Настя медленным шагом вернулась к своему столику. Оглянувшись, она поняла, что вся публика смотрит на нее. Странно и даже с подозрением. Это ее разозлило. Что плохого в том, что она отобрала свои деньги у наглого воришки?

«Чертова толерантность!» — хотелось крикнуть в ответ на осуждающие взгляды.

Она опустила глаза и допила кофе без удовольствия, торопясь поскорее уйти. Ощущение, что на нее смотрят, провожают взглядами и даже следят за ней, не покидало долго. Она прошла мимо лотка с каштанами, так и не купив их, спустилась в метро и поехала домой. Происшествие с мальчишкой лишило энергии и сил. Она ощущала себя уставшей.

Зайдя в дом, Настя почувствовала вкусный запах готовящегося обеда и вспомнила, что ничего не купила, чтобы угостить ребят. Взбежала по лестнице на свой этаж, открыла дверь квартиры и задыхнулась от аппетитного запаха, который шел именно отсюда. Красивый белообрый парень с широкими плечами, в очках и майке футбольного клуба Барселоны махнул ей половником, приветствуя.

— Мартин.

— Юка, — представилась маленькая симпатичная японка, мешающая рис в большой миске на столе.

— Настя, — рассеянно ответила она и еще раз оглядела новых соседей. Внешне ребята были ярким примером диаметральных противоположностей, таким, что голова кружилась.

— Мы решили приготовить праздничный обед, а то ты, наоборот, еще не знаешь, где здесь магазины! — сказал Мартин.

— Не знаю, — уныло подтвердила Настя.

— Тогда накрывай на стол, заодно посмотришь, что где лежит.

Через полчаса они сидели втроем и весело болтали, словно всю жизнь были знакомы. Юка жила в Барселоне уже два года, училась в университете на биолога. Мартин приехал в про-

шлом году и учился на мультипликатора. Настя немного рассказала о себе и о курсах, на которые записалась.

— Жаль, что ты ненадолго, нам все время не хватало третьего человека. Есть еще четвертая комната, но ее наверняка никто не снимет: узкая, как пенал, а окно выходит на лестничную площадку. Мы храним там свои вещи. Я — палатку и велосипед, Юка — различный спортивный инвентарь.

— Может, я останусь! — подмигнула Настя. — Главное, найти работу и окончить курсы, потом что-нибудь придумаю.

— Найти работу сейчас сложно. — Юка покачала головой. — Помимо учебы в университете я преподаю японский.

— А я работаю от заказа до заказа, — сообщил Мартин.

— Ну я даже продавщицей быть согласна, — вздохнула Настя. — Лишь бы подрабатывать.

После обеда они отправились по своим делам: Настя — разносить резюме по барам, магазинам и отелям, а ребята — на работу. В одних местах ее резюме не брали, качали головой, жалея сумасшедшую девчонку, которая отчаянно искала заработок. В других местах листочек, который она протягивала, забирали, но по выражению лиц она понимала, что вскоре резюме отправится в мусорное ведро. Но девушка не теряла надежды. В конце концов Настя вновь вышла на Пасео-де-Грасия и направилась по утреннему маршруту. В одном баре появилась надежда: бармен взял ее резюме и сказал, что передаст хозяину, им не помешает человек со знанием русского языка. После этого бара пару кварталов Настя шла в приподнятом настроении, но его окончательно испортило то, что во всех остальных заведениях в работе ей отказали. Да с такими лицами, будто она попрошайничала, а не искала заработок. Дойдя до угла очередного дома, Настя остановилась в стороне от толпы туристов, ждущих зеленого сигнала светофора. Похоже, все совсем непросто. Ей нужно запастись терпением... Ведь не всегда все получается сразу. Но отчаяние уже поселилось в душе. Разглядывая счастливых беззаботных туристов, гуляющих по улицам, она заметила на другой стороне улочки, пересекающей Пасео-де-Грасия, три столика. Похоже, здесь тоже было кафе... Но какое маленькое... Совсем не туристическое. Мгновение Настя колебалась. Стоит ли заходить? Ведь

если ее не захотели слушать в больших заведениях, где всегда нужны люди, станут ли слушать в таком маленьком, где один официант запросто может обслужить все столики? Но, вопреки сомнениям, она решила попробовать.

В кафе вела узкая коричневая дверь. В окружении ярких витрин магазинов она словно старалась оставаться незаметной. Настя вошла и очутилась в маленьком зале с одним большим окном-витриной в деревянной раме, которое находилось рядом с дверью. С улицы не было видно, что внутри стоят столики. Темная барная стойка, небогатый выбор выпечки, кофемашина, жестяные баночки с чаем... Этот бар, по идее, должен был находиться на тихой спокойной улочке, в него должны заходить только постоянные посетители, а на углу оживленного Пасео-де-Грасия кафе казалось углой лодочкой, потерянно проплывающей мимо гигантских круизных лайнеров.

Навстречу ей вышел пожилой сеньор в брюках на подтяжках и клетчатой рубашке.

— Добрый день... Я ищу работу... — Настя начала говорить хорошо заученную после многочисленных повторений речь, но запнулась. Странно говорить о работе, когда в кафе всего три человека. Она сделала шаг назад, раскаявшись, что переступила порог этого заведения.

— Работа — это хорошо, — кивнул сеньор. Протянул Насте руку: — Я — Пепе.

— Привет, Пепе, я Настя... — пробормотала девушка.

— Ты садись! — Пепе жестом пригласил ее за столик.

Настя покраснела до кончиков волос: ее не так поняли.

— Я не... — начала было она, но Пепе отодвинул стул, приглашая сесть. И она села. Устало положила стопку резюме на стол. Подумала, что кофе ей сейчас не помешает.

— С молоком? — спросил Пепе из-за барной стойки.

— Да, пожалуйста.

— Горячим или теплым?

— Горячим! — удивилась Настя. Никто до этого не спрашивал ее о таких деталях.

Кофе появился перед ней, душистый, манящий.

Пепе сел напротив, взял верхнее резюме из стопки и стал читать. А Настя погрузилась в кофейный запах, от которого в

воображении возникли картинки жарких стран, теплых южных вечеров и горячие губы темноволосого красавца... Вздвигнув, она отогнала образы прочь. Пепе глянул на нее из-под очков и снова уткнулся в резюме. Судя по тому, как он готовил кофе, надевал очки и читал, мужчина никогда и никуда не торопился. Наблюдая за хозяином кафе, Настя почувствовала, что на нее нисходит спокойствие и умиротворение.

— Ну, хорошо... — Пепе отложил ее резюме в сторону. — Ты когда-нибудь работала в кафе?

Настя отрицательно покачала головой.

— А кофе готовила?

Девушка опустила взгляд, вспомнив о своей первой работе в Москве. Она устроилась секретарем со знанием английского языка в международную фирму. Во время совещания шеф попросил подать кофе. На совещании было восемь человек. Настя никогда до этого не готовила кофе, она даже не знала, как обращаться с кофеваркой. На ее счастье, нашлась инструкция к кофеварке, и девушка, в спешке пробежав глазами инструкцию, бросилась трясущимися от волнения руками засыпать две мерные ложечки кофе, как было указано в тексте. Кофе вышел подозрительно светлым. Но Настя так спешила подать его в зал для совещаний, что только в тот момент, когда стала разливать по чашкам, поняла, что в инструкции говорилось о порции кофе на одного человека, а она приготовила на восемь. Но отступить было поздно. С непроницаемым лицом Настя разлила кофе по чашкам. Шеф проводил ее изумленным взглядом и на следующих совещаниях просил приносить воду.

Это был ее первый и последний опыт работы с кофеварками, и Настя с удивлением поняла, что рассказывает эту историю Пепе. Пепе рассмеялся и, встав из-за стола, поманил девушку за собой.

— Варить кофе — это целое искусство. Великий французский министр-интриган Талейран сказал как-то, что кофе должен быть горячим, как ад, черным, как черт, чистым, как ангел, и сладким, как любовь... Всякий раз, когда его готовишь, надо думать о приятном. О любви, о ярких цветах, о восточной музыке или красивой женщине. В твоем случае, наверное, вернее сказать, о мужчине.

Настя кивнула, вспомнив видение со смуглым красавцем. Руки Пепе колдовали над кофемашиной, сыпали кофе, наливали молоко, взбивали пену. Запах горячего напитка сводил с ума. Настя никогда особо не любила кофе, а тут, в этом маленьком баре с единственным мутным окном, вдруг поняла, что влюбилась. От этого и еще от понимания, что ее берут на работу, сердце билось так сильно и гулко, что приходилось прилагать усилия, чтобы слушать инструкции Пепе.

В тот день она осталась в кафе допоздна, смотрела, училась, наблюдала. Пепе не мог предложить ей хорошую зарплату, но в данный момент это было не важно, он согласился отпустить ее из бара на время занятий, так что работать ей придется в основном по утрам.

Вечером она взахлеб рассказывала Юке и Мартину, сколько всяких премудростей нужно знать для овладения редким мастерством:

— Я буду готовить вам кофе по утрам, ведь мы уходим в одно и то же время, — закончила девушка рассказ.

Юка радостно подбросила подушку, а Мартин улыбнулся.

На следующее утро по дороге в кафе Настя встретила Пепе. Он нес большие картонные коробки, из которых по всей улице распространялся теплый и сладкий запах выпечки.

— Доброе утро, Пепе! — сказала Настя, обгоняя хозяина. — Как только на вас не нападают по утрам: от коробок пахнет так, что хочется слопать все булочки!

Пепе засмеялся и кивнул Насте на карман своего пиджака.

— Достань ключи.

Настя залезла в карман клетчатого пиджака и нащупала связку ключей.

— Самый длинный, — подсказал Пепе.

Ключи были старинными, слегка заржавевшими. Настя вставила самый большой в замок и неуверенно повернула. Дверь открылась на удивление легко. Кафе встретило прохладным полумраком. Снаружи ярко светило утреннее солнце, небо было светло-синим, а здесь, казалось, время остановило свой ход, чтобы позволить посетителям расслабиться и погрузиться в мир кофейных фантазий. Интерьер кафе был выполнен в темно-коричневом цвете, что только усиливало

полумрак, а современная техника сочеталась со старой мебелью: временных границ в этом месте не существовало.

Они хорошо справлялись вдвоем: Настя разносила заказы, а Пепе готовил кофе, чай и горячий шоколад в странной турке. Утром в кафе оказалось довольно много посетителей. Они заходили сонными, грустными, недовольными от того, что впереди рабочий день, а выходили бодрыми, радостными, с такими мечтательными улыбками, что казалось, им не терпится поскорее приняться за дело.

— Пепе, мне кажется, ты волшебник, — задумчиво сказала Настя, присаживаясь на стул у бара и ожидая, когда Пепе сделает кофе. В работе возникла небольшая пауза, и они решили перекусить.

— Это почему? — удивился Пепе. Но в глазах его плясали искорки смеха.

— Потому что люди после твоего кофе преобразаются.

— Смотри, не превратись в лягушку! — Пепе протянул ей чашечку капучино.

Настя пододвинула к себе чашку и почувствовала спиной, как открылась дверь, пропуская в зал очередного посетителя.

Пепе бросил взгляд на вошедшего и положил перед девушкой круассан.

— Ешь, я сам приму заказ.

Обернувшись, Настя прямо от стойки наблюдала за происходящим. Пепе подошел к посетителю. Это был пожилой мужчина невысокого роста в коричневом плаще, сливавшемся с интерьером кафе. Небольшие залысины на седой голове делали лоб выше, от этого лицо мужчины казалось благородным. Чем-то он напомнил бюст Цезаря, фотографии которого печатали во всех учебниках истории. Пепе и незнакомец тепло поприветствовали друг друга. Мужчина сел за столик у окна. Для его заказа хватило двух слов: «Как всегда».

Пепе кивнул, прошел к бару, положил на блюдечко бутерброд с хамоном, сделал крепкий кофе без молока. Поставив все это перед посетителем, вернулся к Насте. Через некоторое время Настя принесла посетителю в коричневом плаще счет. Тот, не глядя, достал из кармана небольшой мешочек и положил на тарелочку со счетом. Встал, взял со столика газету, ко-

торую читал, и вышел из кафе. Настя подняла мешочек. Он был тяжелым.

— Смотри, Пепе. — Она протянула открытый мешочек шефу. — Тут же пятицентовые монетки!

— Знаю, это постоянный посетитель. Вот уже два года он расплачивается только так, — кивнул Пепе.

— Но почему?

— Понятия не имею. Но так как это все равно деньги, я принимаю платеж и обмениваю накопившиеся монеты в банке.

— Он что... всегда, каждое утро платит пятицентовыми монетами?!

Пепе усмехнулся:

— Сама увидишь.

Так оно и оказалось. Загадочный посетитель приходил каждое утро в одно и то же время, в одном и том же плаще, заказывал один и тот же завтрак и, расплачиваясь очередным мешочком с монетами, растворялся в толпе Пасео-де-Грасия.

Вскоре Настя уже изнывала от любопытства. Что же это за человек такой? Почему он платит таким странным образом? Почему день за днем ходит в кафе? На занятиях она часто, сама того не замечая, отвлекалась и задумчиво рисовала пятицентовую монетку. А по утрам в кафе то и дело поглядывала на дверь, чтобы увидеть приближение посетителя в коричневом плаще.

Однажды утром она отпросилась у Пепе: сказала, что ей нужно уйти сразу после девяти — в это время как раз появлялся загадочный клиент. Едва он вошел, девушка попрощалась с хозяином, надела куртку и вышла. Но далеко не ушла: стояла в сторонке и ждала, когда посетитель расплатится за завтрак. Если честно, точного плана у нее не было. Ей просто нужно было убедиться, что мужчина не исчезает сразу, переступив порог кафе, что он существует на самом деле, а не только в маленьком мирке Пепе, что, позавтракав, он идет куда-то еще, делает еще что-то, что-то говорит, а не только обменивается традиционными приветствиями с хозяином. Была одна деталь, которая Настю заинтриговала: казалось, гость не замечал ее присутствия. Ни разу не сказал ей ничего, кроме «как

всегда» и «спасибо». А другие постоянные посетители мгновенно замечали иностранку, расспрашивали о жизни и общались с ней практически каждый день.

Дверь кафе открылась. Появился посетитель, которого она ждала. Мужчина пошел в Настину сторону. Полы его плаща развевались на ходу, в руке он держал газеты. Лицо было непроницаемым, словно каменным. Насте еще раз пришло в голову сравнение с бюстом. Она нырнула в аптеку, чтобы он ее не заметил, а когда незнакомец прошел мимо, выскочила и отправилась следом, боясь упустить его из вида.

Из дневника Насти

Я на небольшом расстоянии двигалась за незнакомцем, боялась упустить и в то же время опасалась, что он меня заметит. Не понимаю, чего боялась, ведь на самом деле я не совершала ничего ужасного. Но всякий раз, когда человек в коричневом плаще останавливался или сворачивал, у меня замирало от страха сердце. Я уже перестала ориентироваться: настолько была сосредоточена на спине неизвестного, что совершенно не представляла, где мы находимся. Я готова была взять такси, если заблужусь, но твердо решила, что узнаю об этом человеке хоть что-нибудь. Любопытство мне несвойственно, поэтому я удивлялась настойчивости, с которой шла за незнакомцем.

Он наконец остановился на тихой улочке, так что пришлось спрятаться за углом. Затаив дыхание, я наблюдала, как человек в коричневом плаще берет за ручку двери подъезда и тянет ее на себя. Голубая дверь на мгновение скрыла от меня неизвестного, а потом закрылась, поглотив его. Я подошла. На двери не было никакой надписи или таблички, не обнаружилось и домофона с фамилиями жильцов, как это часто встречается в Барселоне. Я взялась за ручку двери и потянула ее на себя. Дверь легко открылась. Сразу передо мной начиналась лестница. Я прислушалась. Шаги мужчины раздавались где-то наверху.

Меня будто что-то толкнуло в подъезд. Я вошла, прикрыла за собой дверь и, набравшись решимости, стала подниматься по лестнице. Подъезд оказался обшарпанным, но негрязным.

На ступеньках стояли недогоревшие оплавившиеся свечи, некоторые из-за наплывов застывшего воска походили на небольшие сталактиты. Повертев головой, я не обнаружила ни одной лампы. Зато тусклый свет пробивался сквозь узкие оконца. Ночью тут, должно быть, совсем темно...

На первой лестничной площадке не увидела ни одной двери в квартиру, зато на стене красовалось яркое граффити: большой черный пес открывал белозубую пасть и заглатывал ярко-желтую луну. Позади пса на фоне синего неба темнели дома, устремлялся ввысь, подобно корявым пальцам, храм Святого Семейства. Я поднялась на следующую площадку. Здесь граффити не обнаружилось, вместо него стоял мольберт, а на нем женский портрет в золоченой раме. Было слишком темно, чтобы разглядеть картину как следует, но я подумала, что на обратном пути можно поднести к портрету телефон.

Я поднималась все выше и думала, что, по всей видимости, забралась в частный дом, да еще почти заброшенный, наверное, здесь живет одинокий художник (на это намекали граффити и мольберт), которому нечем платить за свет и домофон (об этом говорила открытая дверь и отсутствие электрического света на лестнице). Я уже собиралась поворачивать обратно: шаги давно стихли, а значит, таинственный посетитель зашел в свою студию или квартиру. Что мне делать у закрытой двери? Что ж, потопчусь, полюбопытствую и спущусь обратно. А может, повезет, дверь будет приоткрыта, и я смогу узнать еще что-нибудь о клиенте кафе, который расплачивается мелкими монетками. А может... может, он тут не живет, но у него здесь находится склад монеток? И он ходит пополнять запасы? Мысль показалась такой забавной, что я улыбнулась и быстро дошла до следующей лестничной площадки. И тут тревога полыхнула с новой силой. Если мне было страшно входить в дом и подниматься по первому лестничному пролету, то сейчас на меня напал ужас. Причиной послужила мозаика на площадке. На ней была изображена страшная голова Медузы Горгоны — искаженное от бессильной ярости лицо, черные, затягивающие в свою глубину глаза, клубок змей вместо волос. Она смотрела на меня. Потребовалось усилие воли,

чтобы перестать в ужасе пялиться на горгону и отвести взгляд. Тут же стало легче.

Заранее «предвкушая» встречу с ней на обратном пути, я обошла мозаику, словно выложенные из разноцветных осколков змеи могли меня покусать, и с облегчением увидела, что лестница, ведущая наверх, заканчивается на следующем этаже. Я пришла. Теперь надо решить, стоит ли подниматься дальше. А вдруг этот человек заметил слежку и поджидает меня с дубинкой в руках? Вдруг он что-нибудь со мной сделает, и никто на свете не узнает, где я. Надо было посмотреть хотя бы название улицы и отправить сообщение Юке. На всякий случай. Но раз уж я зашла так далеко, проследила за неизвестным и поднялась по лестнице, отступать смешно. Тем более что позади осталась эта ужасная горгона. И я стала подниматься по ступенькам.

Я ожидала чего угодно: закрытой безликой двери, старой обшарпанной двери, приоткрытой сломанной двери, банды маньяков, поджидающих меня, испуганного посетителя, караулящего маньячку, преследующую его от кафе, в общем... чего угодно, только не новенькой светло-коричневой полированной двери с золоченой ручкой и красивой табличкой, на которой виднелась надпись: «Детективное агентство». Это было... неожиданно. Застыв от изумления, я в полной тишине раз за разом перечитывала эти два слова. Детективное агентство??? В заброшенном доме, где жгут свечи на лестницах? Где на каждой лестничной площадке художественные произведения? А на подъезде нет никакой таблички об агентстве? Тут же заговорило любопытство: так наш посетитель работает здесь или является клиентом? Может, он пришел сюда впервые? Что за работу выполняют для него детективы? Чем вообще может заниматься детективное агентство? Слежкой за неверными мужьями и женами? Вопросы возникали один за другим, а я тупо созерцала надпись на двери. Агентство... Значит, там, за дверью, такой нелепой в этом доме, может находиться обычный офис? С паркетом или ковровином на полу, приемной и улыбчивой секретаршей? Может быть, там даже

звучит легкая фоновая музыка? А на журнальном столике лежат газеты и журналы? Это казалось невозможным.

Дверь манила, обещая дать ответы на все вопросы. Стоит только нажать на звонок, послышится жужжание, дверной замок щелкнет, и я попаду в детективное агентство. А что дальше?

Я стала ломать голову над возможной причиной визита в подобное заведение. Что-то надо придумать, чтобы можно было осмотреть помещение хотя бы из приемной! Представиться клиенткой? Любопытствующей дамочкой? Может, сказать, что рядом открылось кафе, и хозяин предлагает всем, кто живет или работает поблизости, прекрасные бутерброды с хамоном и кофе за два евро? Но у меня с собой нет никаких рекламных листовок... Мысль о листовке подсказала решение: в моей сумке еще лежала пара экземпляров резюме! Я зайду и скажу, что всегда мечтала работать в детективном агентстве! Пусть мне сразу откажут, зато я погляжу, что находится за этой странной дверью.

Набравшись решимости, нажала на кнопку звонка.

Дверь открылась внутрь. Я заглянула и нерешительно вошла. Обстановка была действительно офисной, почти такой, как я представляла, только освещение оказалось не ярким, а приглушенным, и вместо потолка был вмонтирован подсвеченный голубоватым светом аквариум, в котором плавали яркие рыбы разных цветов и размеров. Ощущение нереальности переходило все границы. За полукруглой стойкой сидела блондинка. Ее длинные волосы были уложены в туго закрученные спиральки, пружинящие при каждом движении. Она подняла голову и просканировала меня любопытным взглядом. Не успела я и рта раскрыть, как блондинка показала в сторону коридора:

— Проходите, вас ждут.

Я обрадовалась представившейся возможности и не спеша двинулась по коридору. Но, к моему глубокому разочарованию, все двери кабинетов были закрыты, за ними раздавались какие-то звуки, шаги, приглушенные голоса, но ничего нельзя

было разобрать. Я прошла мимо пяти дверей и наконец увидела приоткрытую.

Зал был небольшим, с окном во всю стену и видом на город, на потолке — все тот же аквариум. Я решила, что это вмонтированный в потолок экран: невозможно содержать такой огромный аквариум, если он настоящий. В пустом зале стоял стул. Один. Посередине.

Ерунда какая-то. Я развернулась, прошла обратно по коридору и, буркнув на ходу секретарше «до свиданья», хотела выйти, но твердый и строгий, как у директора, голос сказал:

— Анастасия, подождите!

Я повернулась. Удивление от того, что прозвучало мое имя, и от того, что, пока я шла по коридору, им удалось выяснить, кто я, смешалось с некоторым страхом, когда я увидела, что меня окликнул человек, за которым я следила все утро. Сейчас он, правда, был без плаща, в тщательно отглаженных серых брюках, вязаной безрукавке и рубашке, но его лицо оставалось таким же непроницаемо-каменным, как у Цезаря.

Видимо, страх отразился на моем лице, поэтому человек поспешил добавить более мягко:

— Не волнуйтесь, я давно вас жду. Пройдем?

Жестом он показал на коридор, и я увидела, что ближайшая дверь приоткрыта. Больше всего на свете захотелось в три прыжка оказаться у входной двери, сбегать вниз по лестнице, не обращая внимания на горгону, выскочить на улицу и еще долго бежать, не оглядываясь и задыхаясь от холодного воздуха. Аквариум над головой вдруг показался тяжелым, словно над нами нависла вся глубина моря, бесконечная и давящая, а мы, сидя в стеклянном куполе на глубине Марианской впадины, пытались играть в офис. Но то же несвойственное мне любопытство, которое появилось у меня после первого рабочего дня в кафе, остановило паническое желание сбегать.

Я бросила взгляд на секретаршу: та делала вид, что смотрит на экран компьютера, но было заметно, как напряженно она вслушивается в тишину, возникшую между нами.

— Откуда вам известно мое имя? — спросила я.

— Так как я давно жду вас, у меня было время навести справки, — ответил объект слежки. — Пойдем, я все объясню.

Я нерешительно последовала за ним, но с каждым шагом чувствовала себя уверенней. Ну не съедят же меня, в самом деле! Если что, я извинюсь за глупую слежку. Вот и все.

Кабинет оказался уютным, с окном на улицу и прекрасным видом на город. Видимо, этот дом был выше соседних, поскольку крыши совсем не мешали смотреть на открывшуюся панораму. Блики от воды в аквариуме приятно скользили по старинному письменному столу, на котором не было компьютера, зато лежала стопка книг. Всю стену за столом занимал книжный шкаф, заставленный томами в кожаных переплетах. Обстановка словно приглашала взять книгу с полки, сесть на небольшой кожаный диван, на котором лежал уютный плед, погрузиться в чтение и, время от времени отрываясь от страниц, бросать взгляды на голубое небо над Барселоной.

— Вам нравится, — скорее утвердительно, чем вопросительно сказал мужчина. Затем спохватился: — Да, я же забыл представиться. Меня зовут Цезаре, но все зовут меня Цезарем.

— Мм... А-а... очень приятно. — Я замаялась, вспоминая ускользающие слова, поскольку совпадение с именем ошарашило.

— Настя, вы хотели бы у нас работать? — еще раз огорчил меня вопросом Цезарь.

Чтобы избежать очередного мычания, я тупо уставилась на него.

— В каком смысле? — наконец смогла произнести после долгой эффектной паузы, во время которой пыталась угадать, что скрывает непроницаемое и неподвижное, как камень, лицо моего собеседника.

— В смысле — работать в детективном агентстве.

— Но я не детектив.

— Все мы когда-то начинали как любители. Вас обучат мои сотрудники.

— Но почему я?

— Любопытство, Настя. Твое любопытство. Я давно жду человека, который отважится разгадать причину моих чудачеств с монетами. Но ни в одном из мест, где я регулярно рас-

плачиваюсь подобным образом, никто не заинтересовался причиной моего поведения. А ты не только молча мучилась и гадала, но и решила проследить за мной. Что говорит о любопытстве и бесстрашии — двух важнейших качествах для детектива.

Я решила не рассказывать, как испугалась мозаики на лестнице.

— Так вы расплачиваетесь мелкими монетами только для того, чтобы вычислить потенциального работника? — разочарованно спросила я.

— Нет... для этого есть особая причина. Со временем ты все узнаешь... конечно, если поступишь к нам на работу.

— Значит, чтобы стать детективом, нужно быть любопытным и отважным? А почему бы вам не набрать работников на факультете журналистики?

— Потому что третье качество детектива — уметь держать язык за зубами. Работники агентства не имеют права разглашать подробности дел, которые тут ведутся. А большинство людей не способны отделить свою работу от личной жизни.

— Но почему вы решили, что я могу?

— Интуиция. — Цезарь попытался улыбнуться. Вертикальная морщина на его правой щеке стала еще глубже. — Она меня почти никогда не подводит.

Я промолчала. Ситуация казалась настолько странной, что было тяжело подбирать слова. Еще совсем недавно я искала работу, а теперь работа нашла меня. Да еще не скучная работа в магазине, а увлекательная служба в детективном агентстве! Я очень мало представляла себе работу детектива. Если соглашусь — узнаю. Надо соглашаться — даже из любопытства. Когда еще удастся получить такую редкую и необычную профессию? С гуманитарным образованием мне в худшем случае грозит работа секретарши, в лучшем — переводчика. А тут...

— Эта работа не предполагает полной занятости, — продолжал искушать Цезарь. — Ты сможешь учиться и работать в кафе. Но когда появится дело, придется найти на него время. В основном совещания у нас проходят вечерами, так удобнее для всех. Затем мы распределяем работу, выполняем задания, докладываем, что удалось узнать. Ты быстро все схватишь. За

каждое дело выплачивается гонорар с учетом затраченных часов и вкладом в раскрытие преступления. В среднем на работника выходит...

Он назвал сумму, от которой мне стало нехорошо.

— Это какой-то обман? — попятилась я к двери.

— Я не предлагаю эти деньги просто так. Только за хорошо сделанную работу. И потом, агентству надо компенсировать непостоянную занятость сотрудников.

Да даже если это будет одно дело в год... Трудно было поверить в такую удачу.

— Я согласна...

Цезарь кивнул, словно не ждал другого ответа.

— Тогда приходи завтра, подпишем договор. Я рад, что ты согласилась, Настя.

Он проводил меня к выходу. Секретарша с любопытством взглянула на нас.

— Анжелика, это Анастасия. Надеюсь, она не передумает и будет работать с нами.

Девушка аж подпрыгнула на стуле от радости, затем подскочила ко мне и расцеловала в обе щеки.

— Ой, я так рада! Зови меня Лика, я буду помогать тебе во всем. Новичкам всегда сложно...

— Анжелика, не пугай ее, — строгим голосом уговорил секретаршу Цезарь.

Я улыбнулась:

— Очень приятно, Лика.

Когда я попрощалась с Цезарем и Ликой и дверь агентства закрылась за моей спиной, еще раз оглянулась и посмотрела на табличку. «Детективное агентство»... Как странно все-таки. Необычно. Но раз уж приехала в этот город, чтобы изменить свою жизнь и повзрослеть, не нужно ничему удивляться. Надо пользоваться подарками судьбы. Браться за работу. Учиться. Надеяться, что город полюбит меня так же, как полюбила его я.

Я выбежала из подъезда, нашла табличку с названием улицы и номером дома, а потом, окрыленная надеждами, помчалась на урок испанского.

На следующий день Настя поднималась по уже знакомой лестнице. Было еще светло, но портрет на втором этаже все так же скрывался в полумраке. Настя достала телефон и посветила на холст. На нем была изображена молодая красивая дама, руки сложены, как у Моны Лизы. Темный фон скрадывал белизну кожи и ярко-алую ткань платья, вместо того чтобы подчеркивать их. Возникало ощущение, что дама растворяется во мраке, но по выражению ее лица нельзя было понять, что она при этом испытывает, только в уголках губ то ли пряталась, то ли хотела появиться усмешка.

Теперь, когда все загадки лестницы были разгаданы, Настя более уверенно поднималась к двери в агентство, искоса осторожно посмотрела в сторону Медузы Горгоны, и ей показалось, что выражение лица чудовища смягчилось.

Лица встретила в прихожей. На девушке был серый деловой костюм, волосы аккуратно собраны в пучок, а очки в красивой оправе придавали еще больше строгости. Но Анжелика, вопреки строгому имиджу, излучала радость и дружелюбие.

— Как хорошо, что ты не передумала! Вот увидишь, у нас здорово! — Она потрясла Настину руку, расцеловала ее в щеки и одновременно подтолкнула в зал. Насте показалось, что Лики слишком много, поэтому, когда она увидела Цезаря, вздохнула с облегчением.

— Проходи в кабинет, — кивнул тот.

В течение часа он растолковывал основные условия договора и определенные пункты, согласно которым работник не имел права не только разглашать подробности дел, но и рассказывать друзьям и родным про агентство.

— Этот пункт введен для блага самих работников, — объяснил Цезарь. — Если вы упоминаете о детективном агентстве, то вопросы вполне естественно появляются сами собой. Поначалу они кажутся безобидными, но людям всегда хочется подробностей, тем более если речь идет о такой редкой профессии, как детектив.

— А действия, которые совершает детектив во время расследования... все ли они законны? — спросила Настя.

— Нет, не все... — после долгой паузы ответил Цезарь, глядя ей в глаза. — Иногда приходится забираться в чужие дома

или узнавать информацию личного характера. Следить. И так далее. Но этим обычно занимаются профессионалы. Поначалу никто не станет загружать тебя подобной работой: ты не готова, да и не захочешь этим заниматься, пока не поймешь специфику наших дел.

— И какая же у вас специфика?

— Со временем узнаешь. К тому же... это неплохое упражнение для твоего внутреннего детектива. Мне еще придется позаниматься с тобой, ты должна разбираться в произведениях искусства, истории, литературе. Мы время от времени организуем культурные походы... Участие в них обязательно, это один из пунктов договора.

— Цезарь, вы же не занимаетесь кражей произведений искусства? — спросила Настя.

Цезарь откинулся в кресле и долго смотрел на собеседницу, пока та не начала беспокойно ерзать на стуле.

— Нет. Настя, я не собираюсь затягивать тебя в незаконные дела, не собираюсь вовлекать в нелегальные операции. Поначалу ты будешь приходить сюда только учиться. Сначала культурная подготовка и пассивное присутствие при обсуждении дел, знакомство с коллегами. Я буду наблюдать, как ты все схватываешь, потом, возможно, тебе начнут давать простые задания: сопровождать в качестве ассистента кого-либо из ребят, искать определенную информацию. И только когда ты поймешь, чем мы занимаемся, включишься в работу команды. Ты можешь уйти в любой момент. Но я обещаю: тебе у нас понравится. И еще. Учти, что законы написаны для общей человеческой массы. Есть люди, которые из нее выбиваются по отрицательным или положительным признакам. Мы — из тех, кто в плюсе. И работаем мы для того, чтобы те, кто в минусе, не могли нанести вред общей массе. Сейчас это звучит путано. Но повторяю: со временем ты все поймешь.

— А почему нельзя сразу все объяснить?

— Потому что это невозможно принять сразу. Необходимо время, чтобы подобное уложилось в голове.

Настя вышла из агентства со странным ощущением, что подписала договор, в котором ничего не поняла. Несмотря на

массу сомнений, на нее навалилось вязкое необычное спокойствие. И еще, поверх всего, словно слой карамели, растекалось липкое чувство опасности. Оно появлялось на улице. Дома, с ребятами, на занятиях, в кафе или в агентстве ощущение уходило, но едва она выходила из помещения на улицу, чувство опасности, словно туман, обволакивало душу. Когда появилось это ощущение — она сказать не могла. Возможно, на нее повлияла попытка кражи кошелька. Из расслабленной туристки она тут же превратилась в озабоченную, напуганную реальностью девушку. Если быть честной, то новости, которые Мартин смотрел по утрам в гостиной, пока Юка и Настя шептались за чашкой чая, не внушали оптимизма. Люди теряли работу, отчаивались, преступность и количество несчастных случаев и различных происшествий росли. Иногда, насмотревшись на печальные кадры из очередной хроники, Настя думала о том, что ей чертовски повезло. Пусть за работу в кафе она получала немного, но ведь и приехала сюда без надежды найти работу, а на эту подработку могла позволить себе, накопив денег, съездить на два дня во Францию и посмотреть Лувр. А теперь, если работа в агентстве оправдывает ее надежды, она может жить более или менее спокойно и не просить помощи у родителей.

Из дневника Насти

Похоже, в Барселону пришла зима. Все жалуются на внезапное похолодание, не характерное для этого месяца, и смотрят на меня осуждающе, будто это я им его привезла. В квартире ужасно холодно. В ванной, слава богу, есть обогреватель, который мы включаем утром и вечером. После ванны каждый бежит в свою комнату и забирается в постель, чтобы согреться. Кошмар какой-то... Неужели так всю зиму страдать? Тоскую по теплой квартире в Москве, а когда разговариваю с мамой по скайпу, она разгуливает по дому в майке, и мне делается еще холоднее и тоскливей. На курсах пошла сложная грамматика, очень тяжело, да еще заставляют каждую неделю писать сочинения. Дали книгу, велели прочитать за месяц, задают много упражнений. А тут еще Цезарь усилил график занятий. Голова пухнет от истории испанской скульптуры и ху-

дожников итальянского Возрождения. Не понимаю, как это может помочь делу.

Я, кстати, еще не видела ни одного агента. Такое ощущение, что днем в агентстве только Лика и Цезарь, иногда из других кабинетов раздаются звуки или голоса, но никто не появляется. Цезарь говорит — скоро. Ладно, пока воспринимаю все как бесплатный курс по искусству. Лика очень милая, всегда норовит чем-нибудь меня угостить, и сама все время ест сладкое, сосет карамельки или жует сдобу. Но при этом тоненькая и хрупкая, как тростинка. А Цезарь непроницаемый, никак не могу понять, есть ли у него хоть какие-нибудь эмоции?

Скоро Рождество и Новый год. Мартин предложил устроить вечеринку у нас дома. Будет весело! Он классный парень, общительный, активный, постоянно нас с Юкой куда-то тащит, то на концерт джаза, то на экскурсию. Юка, кажется, немного в него влюблена. Да и мне он нравится. Есть еще один парень, Валерио, итальянец, который пришел к нам на курсы только сейчас. Вроде бы у него не было возможности учиться с самого начала. Он подсел ко мне сразу, как только вошел, потому что Захария, девушка, которая обычно сидела со мной, еще не пришла. Она была недовольна, когда увидела, что ее место занято. Но ничего не сказала. Валерио сразу стал знакомиться, расспрашивать, интересоваться, пригласил попить кофе после занятий и настаивал на этом слишком навязчиво. Но мне не хотелось пить кофе, тем более поздно вечером. Не могу пить кофе, сваренный не у нас в кафе. Совсем не тот вкус. Я понимаю, что кофе — это предлог, но пока мне не хочется встречаться с Валерио. Сама не пойму почему. Он симпатичный, очень веселый и вежливый, но моя голова забита совсем другим. Может, на следующей неделе...

Сегодня, поднимаясь по лестнице в агентство, я заметила, что Медуза Горгона теперь приветливо улыбается. Хорошо, что они поменяли мозаику, а то та была очень страшной. Хотя зачем снова изображать именно это мифическое создание? Мои размышления закончились, когда Цезарь открыл дверь. Он был странно одет: в джинсах и теплом свитере, а на ногах

мягкие тапочки с мордами разъяренных медведей. Я перевела взгляд с рассерженных медведей на серьезное лицо Цезаря. Потом обратно на медведей. Мне все больше и больше казалось, что, когда я попадаю в агентство, реальность уходит из-под ног. Рыбки над головой только подтверждали эту мысль.

— Проходи, Настя, вот твои тапочки. — Цезарь указал на такие же мягкие тапочки, только вместо медведей на них красовались улыбающиеся лягушата. Я решила ни о чем не спрашивать, переобулась и пошла за Цезарем по коридору. На этот раз мы подошли к последней двери, Цезарь открыл ее и пригласил меня внутрь.

Я шагнула в темноту, но тут же вспыхнул яркий свет, хлопнули хлопушки, и на меня посыпались яркие разноцветные конфетти.

Четверо ребят, среди которых я увидела Лику, заорали:

— Добро пожаловать!!!

Я засмеялась. Лика, всегда одевавшаяся по-деловому, сегодня была в джинсах, футболке и кардигане, а на ногах красовались тапочки со змейками.

— Итсаску, — представилась высокая брюнетка с ослепительно-белой кожей и слегка коснулась моих щек своими прохладными щеками. Ее прямые длинные волосы единой блестящей массой качнулись с одного плеча на другое. — Я занимаюсь информатикой и всем, что связано с компьютерами и Интернетом.

— Наш хакер! — подмигнула ей Лика.

Итсаску никак не отреагировала. На ногах у нее улыбались пушистые котята.

— Серж, — представился невысокий коренастый парень в очках и поцеловал меня в обе щеки. — Биолог и химик.

— Если что-нибудь взрывается — это его рук дело, — пояснила Лика. — Мне частенько приходится убирать результаты его опытов.

На ногах Сержа красовались черные бычки с кольцами в носках.

Последний парень был высоким и худощавым, он созерцал сцену знакомства немного отстраненно, но, когда его товарищи отошли, решительно шагнул вперед.

Смуглый, с огромными зелеными глазами и пухлыми губами, парень, казалось, был потомком африканских народов, но очень далеким, так что от предков остались только намеки, хотя и довольно явные, но преображенные генами белой расы, которой так и не удалось стереть с его лица налет восточной вдумчивости. Он смотрел на меня, а казалось, что он один во всем мире и смотрит в пустыню, спокойно воспринимая ее такой, какая она есть. Со всеми ее барханами, передвигающимися дюнами, непостоянством песка и капризами ветра. Но все-таки он смотрел на меня. Чернота глаз скрывала эмоции, и мне подумалось, что мои чувства для него открыты и он может дотронуться до струн души и настроить меня, как инструмент, на тот лад, который нужен ему. Тут я опустила взгляд, увидела на его ногах енотов и засмеялась. Но внезапно поняла, что мы довольно долго пребывали в тишине, словно все остальные, замерев, наблюдали за нами. ...Как с другого света... Или мне только показалось, а мы смотрели друг на друга всего секунду? И тут он выпустил мои руки из своих. А я со страхом поняла, что не помню, когда он взял меня за руки.

— Как, ты сказал, тебя зовут? — спросила я.

— А ты не знаешь? — хитро улыбнулся парень.

Я хотела ответить ему, что, конечно, не знаю. Но вдруг поняла, что знаю! Почему-то его могли звать только так, и никак иначе:

— Диего.

Имя прозвучало. Парень едва заметно кивнул и посмотрел на остальных.

— Ну что, сядем?

Я огляделась. На полу лежал пушистый ковер, на нем плоский мягкий матрас, на матрасе раскидана куча подушек и одеял, посередине низкий круглый стол с печеньем, фруктами, термочашками с изображениями животных, соответствующими тапочкам на наших ногах, и все это повернуто к входу и стене, на которой находился огромный экран. Под потолком крепился прожектор, а у Итсаску имелся маленький ноутбук, с которого она управляла экраном.

Мы ринулись к подушкам и кофе. Когда все уселись, Цезарь сказал:

— Давайте проведем небольшую презентацию дела для Насти. Это поможет нам самим подвести итоги и посмотреть, что успели и что еще нужно сделать.

— Главный передал нам следующее дело... — начал Диего.

— Главный? — переспросила я.

— Да. Старик... — Парень смутился. — Ну...

— Это наш начальник, — объяснил Цезарь. — Ему принадлежит несколько таких агентств, разбросанных по всему миру. Он... миллионер, ты увидишь, в основном заказчики — очень состоятельные люди. Продолжай, Диего.

— У коллекционера живописи украли три картины. Камеры наблюдения, меры безопасности, хитроумная система охраны — ничто не остановило преступника. Или преступников. На камере видно, что картина была и исчезла. Возможно, поработали с записью.

— Запись проверена, — вставила Итсаску. — Я не вижу никаких манипуляций.

— Проверь еще раз... — Цезарь вдруг резко выпрямился. — А еще лучше... Дай нам сейчас просмотреть ее снова.

Мне показалось или все затаили дыхание, пока Итсаску искала в папках ноутбука видео? Медленно включился большой экран. Мышка резво забегала по нему, открывая папки и программы. Наконец Итсаску загрузила нужное видео. На черно-белом экране возникла картинная галерея. В полумраке нельзя было разглядеть, что именно изображено на картинах, но на той, что находилась ближе к камере, по светлым очертаниям угадывалось тело обнаженной женщины. Мы напряженно вглядывались в неизменяющуюся картинку. Только указывающие время цифры в правом нижнем углу камеры менялись: бежали секунды и минуты.

— Вот сейчас, — прошептал Диего.

Картина с женщиной дрогнула, словно колыхнулась от сильного ветра. И исчезла. Тут же включилась сигнализация. Но картины на стене уже не было.

— Я уверен, что-то сделали с записью, — откинувшись на подушки, сказал Цезарь.

— Насть, ты что-нибудь заметила? — спросила Лика.

Все смотрели на меня с интересом.

— Ничего особенного... — пожалала я плечами.

— Тебе потом дадут еще раз просмотреть, — быстро распорядился Цезарь. Анжелика сделала пометку в блокноте. — Итсаску, проверь еще раз запись, свяжись со специалистами. Необходимо точно знать, что это не махинация с пленкой.

— Конечно. — Итсаску перекинула волну темных волос с одного плеча на другое. Похоже, она была недовольна тем, что Цезарь не поверил ее заключению. Присмотревшись к девушке, я заметила, что одета она весьма необычно: в корсете с металлическими вставками и деталями, похожими на замысловатые крючки. На руке красовался перстень в виде шестеренки из часов.

— Что еще? Диего?

— Я проверил хозяина галереи. Он действительно расстроен из-за грабежа. Украдены самые ценные его картины. У него не было долгов, его не шантажировали, он чист. Эта версия отпадает.

— Члены семьи? — спросил Цезарь.

— Проверены еще не все. У сына есть долги, но он живет в Бразилии.

— Свяжись с детективным агентством в Буэнос-Айресе, с Филипе. Пусть съездит в Бразилию и узнает, что с сыном. Ты мне нужен здесь. Что еще?

— Система охраны, — напомнил Серж. — Я занимаюсь анализом возможных дыр, но пока кажется, что все очень хорошо продумано, хозяин вложил в охрану целое состояние...

— Что по поводу ценности картин и их возможной стоимости? — Цезарь обратился к Лике.

— Картины были приобретены в разное время на разных аукционах. Связи с предыдущими владельцами я не нашла, — ответила девушка. — Картины ценные, но особого внимания публики не привлекали. Доступ в галерею открыт по предварительной договоренности. Иногда организуют групповые экскурсии, например, студентов художественных факультетов. В целом мы можем собрать список посетителей за последний год, сейчас над этим работает персонал галереи. Никто не предлагал владельцу продать картины. Сам он оценивает про-

пажу в несколько миллионов. Но эта оценка может быть завышенной, ему надо получить страховые выплаты.

Я слушала их и думала, что работа не такая интригующая, как казалось поначалу. Скрупулезный анализ фактов, поиск взаимосвязей, проверка каждого предположения... все это напоминало нелюбимую мной математику: «дано», «теорема», «доказательство», «решение»... Все больше росло сомнение в собственных силах. Зачем я им нужна? Они такая сплоченная команда, видно, знают друг друга не один год. Об этом можно догадаться по тому, как Диего отрезал себе кусочек от пирожного и отдал Итсаску веточку красной смородины с россыпью красных ягод — вероятно, в курсе того, что ей нравится. Она машинально взяла, словно это само собой разумеется, а значит, такое происходит часто. Можно догадаться и по тому, как Лика, наполняя кружку Цезаря, добавила ему три кусочка сахара, а Сержу капнула меда — значит, тоже давно знает их вкусы. А еще — по отдельным деталям в разговоре о картинах. По тому, что все происходит словно отдельно от меня. Несмотря на усилия Лики нас объединить тапочками и чашками, я все равно здесь чужая.

Диего двигался рядом со мной, но каждый из нас думал о чем-то своем. Поначалу мы болтали, я рассказывала ему о себе, а он мне о том, как впервые приехал в Барселону. А потом город потихоньку убаюкал нас, и мы погрузились в прогулочную дрему — машинальное наблюдение за прохожими, яркими огнями витрин, толпами замерзающих туристов. При виде парней в шортах я поежилась от холода. Днем на солнце было тепло, но как только оно садилось, резко холодало. Солнце в Барселоне осенью и зимой обманчиво. Я шла и думала: как Диего узнал, что нам по дороге, если не спрашивал, где я живу? Ему сказала мой адрес Лика? Или парню просто все равно, куда идти?

Голова гудела от огромного объема полученной информации и заданий. Мне предстояло вплотную заняться творчеством художников и выяснить истории украденных картин. Искать зацепки в далеком прошлом. На мой взгляд, это было лишним. Просто меня требовалось чем-то занять. У других за-

дания оказались более сложными. Я даже не представляла, что расследование — такая тяжелая работа. Половина заданий казалась мне невыполнимой. Невольно я приуныла, сознавая, что не обладаю способностями Итсаску и Сержа, а потому, скорее всего, долго в этом агентстве не продержусь. На одном любопытстве в расследовании дел далеко не уедешь.

Мы уже сворачивали на мою улицу, когда в сумерках от стены отделилась высокая фигура. Диего резко схватил меня за рукав куртки и рывком толкнул себе за спину.

— Ты с ума сошел? — прошепела я, обозлившись на него из-за собственного испуга.

— Так вот почему ты не хочешь пить со мной кофе! — Неизвестный оказался всего лишь итальянцем Валерио. Ухмыльнувшись, он засунул руки в карманы джинсов и смерил Диего надменным взглядом.

От удивления, что Валерио нашел меня, и от общего идиотизма ситуации я молча его созерцала. А когда открыла рот, чтобы ответить, раздался другой голос. Голос Диего:

— Иди своей дорогой, тварь. Нечего тебе тут ловить.

Я сделала движение, чтобы выйти из-за Диего, но он удержал меня. Что за глупости!

— Валерио... — начала было я примирительным тоном. — Да выпью я с тобой кофе, хочешь, завтра в одиннадцать утра?

— Не хочет. — Диего ответил резко, словно желал заткнуть нас обоих. — И уж тем более в одиннадцать утра.

...Мое настоящее резко оборвалось на этих словах.

Настя открыла глаза и увидела белый потолок. Голова болела ужасно, она боялась двинуться. Но нужно было срочно узнать, где она находится. Погладив одеяло, она ощутила под пальцами хлопок. Подняла до уровня глаз и облегченно вздохнула: это было ее постельное белье. Но как же больно! Настя медленно ощупала голову, хотя и понимала, что болит внутри — мозг словно бился о череп при малейшем движении. И во рту пересохло...

— Хочешь пить?

— Кто это? — Даже голос был каким-то хриплым и чужим, горло саднило, словно она много орала накануне.

— Это Юка. — Девушка осторожно приподняла голову Насти и дала ей напиться.

— Что вчера произошло? — судя по тому, что потолок был освещен солнцем, она провела в беспамятстве всю ночь.

— Кажется, ты что-то праздновала со своими одноклассниками. — Юка улыбнулась. — Тебя принес парень, Диего. Он сказал, что ты выпила около восьми различных коктейлей.

— Я ничего не помню... Мы вроде домой шли... — Настя чуть не заплакала от сильной боли.

— Давай, выпей таблетки от головной боли. И лежи. Я приготовлю тебе чай.

— Ты не работаешь сегодня?

— На твое счастье, сегодня воскресенье.

— Боже, я должна быть в кафе!

— Я уже позвонила туда и сказала, что ты заболела. Пей!

Настя выпила таблетку и снова легла. Постепенно головная боль отпустила, но не оставляло в покое странное ощущение, что она что-то забыла. Разве она праздновала что-то вчера с ребятами? Они пили чай, потом вышли на улицу... А потом все растаяло в памяти.

После душа, окончательно взбодрившись, она набрала телефон Анжелики.

— Настя! — Голос Лики в телефоне звучал очень приятно. — Как ты? Жива после вчерашнего?

— Жива вроде... — Настя сняла с головы полотенце и увидела у себя на запястье здоровенный синяк. — Лика... а мы вчера много пили?

Лика засмеялась.

— Ты что, ничего не помнишь?

— Нет... — Настя так разглядывала синяк, словно в нем была разгадка вчерашнего происшествия. — Я ничего такого не делала?

— Под таким ты имеешь в виду танцевать и упасть? — поинтересовалась Лика.

Настя застонала: какой кошмар! Первый вечер, знакомство с коллегами, и она так себя вела!

— Цезарь, наверное, меня ненавидит...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. БАРСЕЛОНА	5
Часть вторая. ВЕНЕЦИЯ	92
Часть третья. ВОЗВРАЩЕНИЕ В БАРСЕЛОНУ	146